

Забродина Ирина Максимовна, студент ВШЮиСТЭ, ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

Зуева Полина Владимировна, студент ВШЮиСТЭ, ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация

Статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу оценки доказательств в уголовном судопроизводстве РФ. Исследуется природа оценки доказательств как деятельности, основанной на внутреннем убеждении субъектов доказывания и принципах законности. Выявляются ключевые проблемы современного доказывания: сложности легализации материалов оперативно-розыскной деятельности, риски использования сведений сомнительного происхождения, влияние следственного субъективизма и судебного формализма. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к оценке различных видов доказательств и совершенствования нормативного регулирования для обеспечения баланса между эффективностью раскрытия преступлений и процессуальными гарантиями прав личности.

Annotation

The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal analysis of the assessment of evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation. The nature of the assessment of evidence as an activity based on the internal conviction

of the subjects of proof and the principles of legality is investigated. The key problems of modern proof are identified: the difficulties of legalizing the materials of operational-search activities, the risks of using information of dubious origin, the influence of investigative subjectivism and judicial formalism. The necessity of a differentiated approach to the assessment of different types of evidence and the improvement of regulatory regulation to ensure a balance between the effectiveness of crime detection and procedural guarantees of individual rights is substantiated.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, оценка доказательств, внутреннее убеждение, оперативно-розыскная деятельность, допустимость доказательств, следственный субъективизм, судебный формализм, электронные доказательства, состязательность, мотивировка решения.

Keywords: criminal proceedings, evaluation of evidence, inner conviction, freedom of evidence assessment, operational-search activities, legalization of evidence, admissibility of evidence, investigative subjectivism, accusatorial bias, judicial formalism, electronic evidence, principle of adversarial proceedings, reliability of evidence, substantiation of judicial decisions.

Оценка доказательств в уголовном судопроизводстве представляет собой основанную на законе и внутреннем убеждении субъектов доказывания мыслительную деятельность по установлению юридически значимых свойств и доказательств, выражающуюся в определении их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, с целью формирования достоверных выводов об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения.

На наш взгляд, оценка доказательств является одной из наиболее сложных и ответственных стадий процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. На данном этапе осуществляется всесторонний анализ доказательств, в ходе которого они сопоставляются между собой, выявляется их взаимосвязь и определяется значение для установления обстоятельств уголовного дела.

Особенность оценки доказательств заключается в сочетании правовых и логических элементов. С одной стороны, она осуществляется в строгих рамках уголовно-процессуального закона, который устанавливает критерии допустимости, относимости и достоверности доказательств. С другой стороны, данный процесс неизбежно связан с аналитической деятельностью субъекта доказывания, требующей профессиональных знаний, опыта и способности критически анализировать полученную информацию.

Оценка доказательств представляет собой не просто формальную процедуру проверки доказательств, а сложный мыслительный процесс, направленный на установление истины по уголовному делу и принятие обоснованного и справедливого процессуального решения.

Оценка доказательств в уголовном процессе осуществляется на основе положений уголовно-процессуального. Правовое регулирование оценки доказательств закреплено в ряде норм УПК РФ, в частности в статьях 17, 73–75 и 88 УПК РФ.

Как отмечала П.А. Лупинская, принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК, заключается в том, что судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью [5, с. 143].

Свобода оценки доказательств в уголовном процессе проявляется в нескольких основных положениях. Прежде всего, законодательство не устанавливает исчерпывающий перечень источников доказательств, из которых может быть получена информация по делу, за исключением случаев, когда использование определенных источников прямо запрещено законом. Кроме того, закон не ограничивает круг способов доказывания, что позволяет применять различные процессуальные действия для получения доказательственной информации, если такие способы не противоречат требованиям закона. Также важным проявлением данного принципа является отсутствие заранее установленной силы доказательств: ни одно доказательство

не обладает преимуществом перед другим, а все они подлежат оценке судом на основе внутреннего убеждения, сформированного в результате всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела [2, с. 424].

Еще одним важным принципом оценки доказательств в уголовном процессе является принцип внутреннего убеждения. Он означает, что суд, следователь, дознаватель и прокурор оценивают доказательства самостоятельно, руководствуясь законом и совестью, на основе их всестороннего, полного и объективного исследования. По мнению К. Ф. Гуценко, внутреннее убеждение вместе с тем должно основываться не на интуиции, симпатиях или антипатиях, а на совокупности имеющихся в деле доказательств. Внутреннее убеждение означает уверенность следователя, дознавателя, прокурора и суда в правильности сделанных выводов, к которым они пришли в результате уголовно-процессуального доказывания [3, с. 149].

Важно отметить, что внутреннее убеждение не может формироваться произвольно и должно опираться на объективный анализ всех доказательств, исследованных в ходе уголовного судопроизводства. Оно возникает в результате логической и аналитической деятельности субъекта доказывания, при которой каждое доказательство сопоставляется с другими материалами дела. При этом важным условием является всестороннее и объективное рассмотрение всех обстоятельств дела, поскольку только в этом случае внутреннее убеждение может служить надежной основой для принятия законного и обоснованного процессуального решения.

Оценка доказательств занимает важное место в системе уголовно-процессуального доказывания и является интеллектуальной деятельностью субъектов уголовного процесса, которая направлена на установление юридической значимости доказательственной информации. В ходе такой деятельности определяется относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства, а также их достаточность для установления обстоятельств, которые составляют предмет доказывания. Оценка доказательств требует глубокого правового анализа и профессионального

подхода, так как именно от нее во многом зависит законность, обоснованность и справедливость принимаемых по уголовному делу решений.

Вместе с тем практическая реализация указанных требований сопряжена с рядом проблем. Проблема взаимодействия оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства, а также вопросы объективности оценки доказательств остаются одними из наиболее острых и дискуссионных в современной юридической науке. В условиях стремительной цифровизации и усложнения криминалистических технологий существующие механизмы трансформации оперативной информации в процессуальные доказательства демонстрируют свою недостаточность, порождая риски использования сведений сомнительного происхождения и нарушения прав личности. Кроме того, сохраняющаяся тенденция к подмене содержательного анализа доказательств формальным соблюдением процедур и влияние субъективного фактора («обвинительного уклона») на стадии предварительного следствия и в суде требуют глубокого теоретического переосмысления. Цель - проведение комплексного теоретико-правового анализа ключевых деформаций института доказывания. В работе исследуется специфика легализации материалов ОРД, выявляются причины проявления следственного субъективизма и судебного формализма, а также предлагается дифференцированный подход к оценке отдельных видов доказательств в современных реалиях. На основе критического обзора судебной практики и доктринальных позиций обосновывается необходимость совершенствования нормативного регулирования для обеспечения баланса между оперативной целесообразностью и неукоснительным соблюдением процессуальных гарантий справедливости.

Взаимодействие оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и уголовного судопроизводства является одной из наиболее дискуссионных зон современного уголовно-процессуального права. Специфика данного сегмента обусловлена необходимостью балансировать между эффективностью раскрытия преступлений, требующей конфиденциальности методов работы, и

принципами гласности и состязательности, лежащими в основе судебного разбирательства. Результаты оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) сами по себе не обладают статусом доказательств до момента их процессуального закрепления в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

Теоретико-правовой анализ проблемы начинается с понимания природы материалов ОРД (ОРМ). Согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [9], сведения, полученные в ходе ОРМ, могут быть использованы в доказывании по уголовным делам лишь после их проверки и оценки в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. Ключевым механизмом легитимации таких сведений выступает процедура их осмотра и приобщения к материалам уголовного дела, часто оформляемая через протокол осмотра предметов и документов или через получение объяснения от лиц, владеющих информацией. Однако на практике данный процесс трансформации информационных массивов из операционной сферы в процессуальную форму сопряжен с рядом существенных рисков, влияющих на допустимость доказательств. Как отмечает С. Б. Россинский, «несоблюдение процедуры легализации оперативных материалов приводит к утрате доказательной ценности информации даже при её фактической достоверности» [7, с. 18].

Одним из центральных вопросов оценки является соблюдение процедуры легализации сведений. Судебная практика демонстрирует случаи, когда материалы ОРМ приобщаются к делу с нарушением временных рамок или без надлежащего удостоверения источников получения информации [7]. С теоретической точки зрения, это создает проблему производности доказательства: если первичный источник (например, данные негласного наблюдения) не может быть верифицирован стороной защиты из-за режима секретности, то производное доказательство (расшифровка переговоров, акт осмотра) становится уязвимым для критики с позиций принципа состязательности. Возникает коллизия между правом обвиняемого на защиту

и необходимостью сохранения государственной тайны или безопасности участников ОРМ.

Особое внимание в доктрине уделяется оценке аудиовизуальной информации, полученной в ходе контрольной закупки, прослушивания телефонных переговоров или наблюдения. Здесь на первый план выходит технический аспект достоверности. Отсутствие четких регламентов по фиксации целостности электронных носителей при их изъятии сотрудниками оперативных подразделений порождает сомнения в неизменности содержимого. Теоретико-правовой подход требует введения презумпции сомнений в отношении цифровых доказательств, полученных в ходе ОРД, если не задокументирована вся цепочка их хранения. Без подтверждения того, что запись не подвергалась монтажу или редактированию до момента приобщения к делу, ее использование в качестве основы для обвинительного приговора противоречит принципу справедливости [9].

Кроме того, проблематичным остается вопрос оценки сведений, полученных от конфиденциальных источников. УПК РФ не содержит прямого механизма допроса анонимного информатора в суде, что фактически лишает сторону защиты возможности оспорить достоверность таких сведений через перекрестный допрос. В связи с этим, теоретическое обоснование допустимости таких доказательств должно базироваться на наличии подтверждающих доказательств, полученных законным путем в ходе следственных действий [7, с. 26]. Изолированное использование результатов ОРМ, особенно основанных на агентурной информации, без подтверждения иными процессуальными средствами, должно признаваться недопустимым.

Судебный контроль за оценкой таких доказательств должен носить не формальный, а содержательный характер. Суд обязан исследовать не только результат ОРМ, но и законность оснований для проведения соответствующего мероприятия. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №55, «суд не вправе основывать обвинительный приговор на доказательствах, полученных с нарушением требований закона» [4]. Нарушение условий

проведения ОРМ, установленных ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (например, отсутствие утвержденного рапорта или постановления), влечет за собой недопустимость полученных сведений, так как они являются плодом противоправной деятельности государственных органов.

Институт оценки доказательств, базирующийся на принципе свободного внутреннего убеждения, представляет собой интеллектуально-волевой процесс, неизбежно сопряженный с влиянием человеческого фактора. Законодатель, закрепив в уголовно-процессуальном законе право следователя и суда оценивать доказательства по своему усмотрению, руководствуясь законом и совестью, фактически легализовал элемент субъективности как неотъемлемую часть правоприменения [5]. Однако на практике грань между законным внутренним убеждением и необоснованным субъективизмом часто оказывается размытой, что ведет к существенным деформациям механизма установления истины.

Субъективизма деятельности следователя на стадии предварительного расследования чаще всего проявляется в форме так называемого «обвинительного уклона». Психологический механизм данного явления заключается в том, что выдвинутая на начальном этапе версия о виновности конкретного лица трансформируется в устойчивую установку, фильтрующую поступающую информацию. Как отмечает П. А. Лупинская, «выдвижение версии нередко превращается в ее догматическое закрепление, когда следователь начинает искать не истину, а подтверждение собственной гипотезы» [5, с. 7]. Следователь, находясь под давлением сроков расследования или общественного резонанса, склонен избирательно воспринимать доказательства: уличающие сведения гипертрофируются, тогда как оправдательные или смягчающие обстоятельства могут игнорироваться или признаваться несущественными без должной мотивировки. Такая когнитивная ошибка приводит к тому, что процесс доказывания подменяется процессом

обоснования заранее принятого решения, что нарушает презумпцию невиновности на досудебных стадиях.

Параллельно с субъективизмом развивается тенденция к процессуальному формализму. В условиях высокой нагрузки на правоохранительные органы качество доказательственной базы зачастую подменяется количественными показателями и процедурной правильностью документов. Формализм проявляется в отождествлении наличия протокола следственного действия с достоверностью зафиксированных в нем сведений следователь может ограничиться фиксацией формальных реквизитов документа, не анализируя логические противоречия в показаниях свидетелей или несоответствие вещественных доказательств обстоятельствам дела. Критерием истинности становится не содержание информации, а ее надлежащее процессуальное оформление. Это создает ситуацию «бумажной истины», когда приговор основывается на совокупности формально допустимых, но фактически недостоверных сведений.

На стадии судебного разбирательства проблема субъективизма и формализма приобретает иное измерение. Суд, выступая органом контроля, призван нивелировать ошибки предварительного следствия, однако на практике нередко происходит транслирование обвинительной установки следователя в судебное решение. Формальный подход суда выражается в отказе от глубокого исследования доказательств, если они были получены без явных нарушений процедуры. Как подчеркивает С.Б. Россинский, «судебная оценка доказательств зачастую сводится к проверке их процессуальной формы, а не содержательной достоверности» [7, с. 19]. Судебная инстанция может ограничиться констатацией соблюдения норм УПК РФ, не вдаваясь в анализ логической связности доказательств и возможности их альтернативного толкования. Особенно остро это проявляется при оценке косвенных доказательств, где требуется построение сложных логических цепочек, что подменяется простым перечислением материалов дела в обвинительном контексте.

Взаимосвязь между следственным субъективизмом и судебным формализмом создает замкнутый круг, затрудняющий выявление судебных ошибок. Следователь формирует дело, исходя из убеждения в виновности, а суд утверждает этот вывод, опираясь на формальную корректность материалов. Разрыв этой цепи возможен только через усиление мотивировочной части процессуальных решений. Требование подробного обоснования того, почему одно доказательство принято, а другое отвергнуто, заставляет правоприменителя переходить от интуитивных догадок к логически выверенным умозаключениям.

Универсальный подход к оценке доказательств, несмотря на свою теоретическую привлекательность, на практике сталкивается с необходимостью дифференциации критериев в зависимости от природы получаемой информации. Разнородность доказательственного материала диктует потребность в специфических алгоритмах верификации для каждой категории сведений, закрепленных в законе. Игнорирование типологических особенностей отдельных видов доказательств неизбежно и ведет к снижению качества предварительного расследования и судебного разбирательства.

Оценка показаний участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) сопряжена с наибольшими рисками субъективизации. Вербальная информация носит отраженный характер и зависит от психофизиологического состояния лица, его памяти, а также условий восприятия событий. Теоретико-правовой анализ требует рассмотрения таких показаний не как изолированного источника истины, а как элемента, нуждающегося в перекрестной проверке. Критерием достоверности здесь выступает не только внутренняя непротиворечивость рассказа, но и его согласованность с объективными данными. Особую сложность представляет оценка показаний, данных на ранних стадиях процесса, когда давление обстановки задержания или допроса могло повлиять на волеизъявление лица.

Заключение эксперта, являясь источником специальных знаний, требует иного инструментария оценки. Здесь следователь и суд сталкиваются с

необходимостью контроля не только процессуальной формы, но и методологической обоснованности выводов. Формальное соответствие эксперта квалификационным требованиям не гарантирует истинности полученных результатов. Оценка должна включать анализ примененных методик, полноты исследования и логической связи между исследовательской частью и выводами. Проблема заключается в том, что правоприменитель, не обладая специальными познаниями, часто вынужден верить выводам эксперта и его словам, что создает риск передачи ошибки из сферы науки в сферу правосудия [4].

Вещественные доказательства и документы оцениваются через призму их связи с событием преступления и неизменности их свойств. Ключевым аспектом здесь является фиксация места обнаружения и условий хранения. Однако в современном контексте возрастает роль электронных носителей информации, которые сочетают в себе признаки документа и вещественного доказательства. Специфика цифровых следов заключается в возможности скрытого модифицирования. Оценка таких доказательств требует привлечения специалистов в области компьютерно-технической экспертизы для подтверждения аутентичности данных и отсутствия следов вмешательства в программный код или структуру файлов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что ключевые деформации в сфере оценки доказательств носят не изолированный, а взаимосвязанный характер. Недостаточная регламентация процедуры легализации результатов ОРД создает угрозу использования сведений сомнительного происхождения и нарушает принцип состязательности сторон. Ситуацию усугубляет доминирование формально-бюрократического подхода и «обвинительного уклона», при которых процессуальная корректность оформления превалирует над их содержательной достоверностью. Как подчеркивает Б.Т. Безлепкин, «универсальные подходы к оценке доказательств, эффективные для классических видов, оказываются

недостаточными при работе с электронными следами и результатами сложных инструментальных исследований [1].

Для преодоления выявленных недостатков необходимо ужесточение требований к протоколированию передачи оперативной информации, расширение полномочий суда по проверке законности оснований проведения ОРМ, а также внедрение дифференцированных алгоритмов оценки для различных видов доказательств. Переход от формальной проверки реквизитов к содержательному анализу совокупности обстоятельств, позволит минимизировать риски процессуальных ошибок.

Список литературы

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: Учебник. - М.: Проспект, 2023;
2. Головки Л. В. (ред.) Уголовный процесс : учебник. — М. : Статут, 2021. — С. 424.;
3. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс: учебник. — М.: Норма, 2020. — С. 149.;
4. Костенко Р. В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств: монография. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 240 с.
5. Лупинская П. А., Воскобитова Л. А. (ред.) Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. — Москва : Норма : Инфра-М, 2020. — С. 143.;
6. Некрасова А. С. Проблемы собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном процессе: актуальные вызовы и перспективы совершенствования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. - №2. – с. 75 – 92.
7. Россинский С. Б. Проблемы использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2022. - № 4. - С. 15-21;
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (последняя ред.) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. 1). - Ст. 4921;
9. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (последняя ред.) // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 33. - Ст. 3349;

References

1. Bezlepkin B. T. Criminal Procedure of Russia: Textbook. - Moscow: Prospect, 2023;
2. Golovko L. V. (ed.) Criminal Procedure: textbook. - Moscow: Statut, 2021. - p. 424.;

3. Gutsenko K. F. Criminal Procedure: textbook. - Moscow: Norma, 2020. - p. 149.;
4. Kostenko R. V. Evaluation of criminal procedural evidence: monograph. - Moscow: Yurlitinform, 2019. - 240 p.
5. Lupinskaya P. A., Voskobitova L. A. (eds.) Criminal Procedure Law of the Russian Federation: textbook. - Moscow: Norma: Infra-M, 2020. - p. 143.;
6. Nekrasova A. S. Problems of collecting, verifying and evaluating evidence in criminal proceedings: current challenges and prospects for improvement // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. - 2023. - No. 2. - pp. 75 - 92.
7. Rossinsky S. B. Problems of using the results of operational-search activities in criminal proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2022. - No. 4. - pp. 15-21;
8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (latest edition) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (Part 1). - Art. 4921;
9. Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ "On operational-search activities" (latest edition) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1995. - No. 33. - Art. 3349;